И. М. КОПЕЙКИНЪ,
Инспектирующій Верхнеднѣпровской гимназіи.

Добрыя стороны Русскаго народа

по письмамъ, полученнымъ съ театра военныхъ дѣйствій Комитетомъ помощи борцамъ за Родину, учрежденнымъ Одесскимъ Учебнымъ Округомъ.

ОДЕСА.
Типографія О-ва „Русская Рѣчь“. Александровскій просп., 11.
1916.

И. М. КОПЕЙКИНЪ,
Инспектирующій Верхнеднѣпровской гимназіи.

Добрыя стороны Русскаго народа

по письмамъ, полученнымъ съ театра военныхъ дѣйствій Комитетомъ помощи борцамъ за Родину, учрежденнымъ Одесскимъ Учебнымъ Округомъ.

ОДЕСА.
Типографія О-ва „Русская Рѣчь“. Александровскій просп., 11.
1916.

ГОСУД. РОСС.
45373
29-I-1926.

Добрыя стороны русскаго народа по письмамъ, полученнымъ съ театра военныхъ дѣйствій Комитетомъ помощи борцамъ за Родину, учрежденнымъ Одесскимъ Учебнымъ Округомъ.

„Народъ нашъ считаютъ хоть и добродушнымъ и даже умственно-способнымъ, но все-же темной стихійной массой, безъ сознанія, преданной поголовно порокамъ и предразсудкамъ, и почти сплошь безобразникомъ".

Достоевскій.

Переживаемая нами эпоха полна великихъ историческихъ задачъ. Назрѣли сложные вопросы, и исторія поставила ихъ на разрѣшеніе передъ народами міра.

Наша великая родина, нѣкогда уже рѣшавшая судьбы Европы, не могла и теперь остаться спокойной зрительницей развертывающихся на нашихъ глазахъ грандіозныхъ событій.

Давно уже назрѣвавшій и питавшійся кровавыми кошмарами пангерманизмъ вылился внезапно изъ своихъ береговъ, намѣреваясь поглотить въ своемъ свирѣпо-эгоистическомъ теченіи народы Европы и прежде всего—славянскія племена.

Противостать этому зазнавшемуся тевтонскому звѣрю, защитить прежде всего своихъ братьевъ-славянъ рѣшила несокрушимая въ своей мощи Россія.

Благоговѣйно внимая высокимъ словамъ своего обожаемаго Монарха, сыны ея со стихійной силой пламеннаго патріотизма, какъ одинъ, возстали на борьбу съ давними врагами славянскаго міра.

И вотъ, потекли русскія рати изъ далекой льдистой Сибири, съ горъ и изъ долинъ Кавказа, со всѣхъ концовъ необъятной Руси на великую борьбу съ заносчивымъ врагомъ.

Тѣ изъ насъ, кому не пришлось стать въ ряды и выполнить съ оружіемъ въ рукахъ свой долгъ передъ Царемъ и родиной, не могли остаться равнодушными зрителями этого колоссальнаго подвига.

Отрываясь отъ своихъ повседневныхъ заботъ, мы живемъ мысленно тамъ, на поляхъ кровавыхъ битвъ, гдѣ наши братья грудью отстаиваютъ честь и неприкосновенность дорогой нашей родины и интересы всего славянскаго міра; мы возсылаемъ Всевышнему горячія молитвы о дарованіи успѣха нашему оружію; мы готовы всѣмъ, что въ нашихъ силахъ, облегчить тернистый путь подвиговъ нашихъ чудо-богатырей.

Одной изъ формъ выраженія этого нашего единенія съ доблестными защитниками нашей родины является широкая организація многочисленныхъ комитетовъ добровольной помощи имъ. Милліоны всевозможныхъ вещей, — начиная съ одежды, бѣлья и кончая священнымъ пасхальнымъ подаркомъ,—посланныхъ отъ чистаго сердца истинныхъ сыновъ Россіи, образуютъ непрерывный широкій потокъ отъ береговъ Великаго океана до передовыхъ нашихъ позицій.

Эти „дарственныя вещи", какъ чаще всего называютъ ихъ наши герои, борцы за родину, являются одной изъ тѣхъ многочисленныхъ нитей, которыя такъ тѣсно связываютъ нашихъ воиновъ съ русскимъ обществомъ, со всѣмъ русскимъ народомъ.

Встрѣчнымъ потокомъ, не менѣе могучимъ, является цѣлое море писемъ, которыя непрестанно притекаютъ съ передовыхъ позицій въ сердце Россіи и ко всѣмъ концамъ необъятнаго ея простора.

Имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ писемъ съ театра военныхъ дѣйствій, направленныхъ либо на имя Комитета помощи борцамъ за Родину, учрежденнаго Одесскимъ Учебнымъ Округомъ, либо адресованныхъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній этого Округа, такъ горячо откликнувшимся на призывъ Гофмейстера Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Владиміра Николаевича Смольянинова, —я приложилъ посильный трудъ, по этимъ строкамъ, идущимъ непосредственно съ мѣстъ, гдѣ нашими воинами совершаются подвиги высокой любви къ Царю и родинѣ, намѣтить духовный обликъ нашего народа, творящаго въ эту знаменательную эпоху міровую исторію.

Воодушевленіе, охватившее теперь всю массу россіянъ, настолько могуче по своему объединяющему началу, что дѣлать различіе, проводить какую-либо разграничительную черту между арміей и народомъ невозможно: войско и народъ теперь—недѣлимое духовное цѣлое; отъ чего бьется сердце русскаго воина, отъ чего загорается его взоръ огнемъ любви или негодованія, отъ того же самаго вздымается грудь и пылаетъ взоръ каждаго истиннаго сына великой Россіи.

Вся эта масса писемъ, будучи откликомъ благодарныхъ сердецъ русскихъ воиновъ своимъ собратьямъ и великой общей матери — Россіи за „дарственныя вещи", является, вполнѣ естественно, весьма однообразной по своей, такъ сказать, канвѣ: это не письма къ роднымъ, личнымъ друзьямъ и знакомымъ, не тѣ интимныя посланія, въ которыхъ можно было бы съ бо́льшей увѣренностью ожидать выраженія разнообразной и сложной гаммы чувствъ, стремленій и думъ рядового воина.

Тѣмъ не менѣе, и по этимъ благодарственнымъ, въ большей своей части краткимъ, письмамъ обрисовывается удивительная многогранность русской души; и въ этихъ письмахъ поражаетъ та цѣломудренная сдержанность въ выраженіи своего внутренняго міра, которая такъ присуща русскому человѣку.

Какъ живой, встаетъ передъ нами былинный Микула Селяниновичъ, съ его могучей силой тѣла и духа, съ его удивительно глубокой жизненной философіей, тотъ Микула, который всю свою жизнь проводилъ въ тѣсномъ трудовомъ общеніи съ кормилицей мать-сырой землей, а теперь волей Провидѣнія вызванъ на передовую историческую позицію какъ бы удивить міръ богатырскимъ размахомъ своей стихійной силы.

Не буду разбивать писемъ по группамъ въ зависимости отъ уровня развитія и отъ служебнаго положенія ихъ авторовъ: количественно подавляющимъ является „сѣрый" слой по сравненію съ „интеллигентскимъ", такъ что главный тонъ, преобладающую характеристику приходится основывать условно на одномъ этомъ „сѣромъ" слоѣ, что для преслѣдуемой мною цѣли важнѣе всего.

Консервативность въ широкомъ смыслѣ слова, органическое стремленіе сохранять старину во всѣхъ формахъ духовной и матеріальной культуры въ высшей степени присущи русскому народу. Въ то время какъ западно-европеецъ бился въ тискахъ критической мысли и создавалъ благодаря этому всевозможныя формы революцій — и политическихъ, и религіозныхъ, и соціальныхъ — наша народная масса, пустившая глубочайшіе корни въ сѣдую старину, долго оставалась и теперь въ громадномъ своемъ большинствѣ остается непоколебимо вѣрной крѣпкимъ старымъ устоямъ своего міропониманія.

Однимъ, и самымъ великимъ, изъ этихъ устоевъ является у нашего народа живая вѣра въ Господа, въ неисповѣдимые пути Его Промысла. „Всѣ подъ Богомъ ходимъ", гласила и теперь гласитъ съ той же неизмѣнной убѣдительностью наша народная мудрость.

Черезъ горнило какихъ историческихъ испытаній должна была пройти наша великая родина, прежде чѣмъ такъ могуче окрѣпнуть на страхъ врагамъ! Не будь у нашего народа непоколебимой живой вѣры,—иныя, менѣе славныя судьбы были бы его удѣломъ.

Это живое чувство вѣры, эта надежда на помощь свыше были всегда залогомъ побѣды надъ историческими нашими врагами, засорявшими пути къ той столбовой исторической дорогѣ, на которую давно уже ступила Россія.

Ослабѣлъ ли у русскаго народа въ настоящую годину испытаній, ниспосланныхъ нашей родинѣ свыше, этотъ могучій доселѣ источникъ нашей духовной мощи?

Нѣтъ и нѣтъ! Онъ бьетъ живымъ неизсякаемымъ ключомъ изъ нѣдръ народа.

Прислушаемся къ голосу этого народа въ сѣрой солдатской шинели. „Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами

Богъ!" „Помолитесь Богу за насъ, вѣрныхъ воиновъ, чтобы побѣдить врага". „Молитесь Богу, чтобъ намъ Богъ помогъ побѣдить врага нашего". „Всѣмъ намъ да поможетъ Богъ въ святой борьбѣ съ коварнымъ врагомъ, съ нѣмцами, врагомъ славянства. Съ нами Богъ!" „Помолюсь Господу Богу, чтобъ Господь Богъ устрашилъ нашего дерзкаго врага и послалъ миръ-тишину всему народу".

„Намъ Богъ поможетъ, что завоюемъ этихъ враговъ нашихъ, которые хотѣли Русь побить, и Богъ ихъ спутаетъ и поворотитъ ихъ назадъ отъ родины нашей". „Помолитеся Богу за насъ, сѣрыхъ, чтобы Онъ вооружилъ и укрѣпилъ насъ силой на одолѣніе нашихъ враговъ".

Я могъ бы привести цѣлыя страницы такихъ смиренно-благочестивыхъ восклицаній, которыми переполнены благодарственныя письма нашихъ доблестныхъ воиновъ. Бодрая надежда на успѣхъ въ борьбѣ съ „врагомъ славянства" такъ и сквозитъ въ каждомъ письмѣ: вѣдь, „съ нами Богъ!" Съ такимъ упованіемъ на Божью помощь, съ такою вѣрой въ непосредственное заступничество Всевышняго русскій воинъ несокрушимъ въ своихъ начинаніяхъ, ему не страшны ни бури, ни горы, ни грязь невылазная, ни тучи вражескихъ полковъ.

А какъ умиленно-трогательно звучитъ это „помолитеся Богу за насъ, сѣрыхъ!"

Эти „сѣрые" герои, скромно смотря на свои подвиги, которымъ удивляется весь міръ, сами называютъ себя „сѣрыми", какъ бы желая этимъ сказать, что залогъ успѣха не въ милліонахъ этихъ „сѣрыхъ", а лишь въ Божьей помощи, безъ которой всѣ милліоны—ничто.

Вотъ это истинно-христіанское смиреніе, эта непосредственная искренняя вѣра и являются тѣмъ могучимъ внутреннимъ двигателемъ, который даетъ силу нашимъ доблестнымъ борцамъ за родину преодолѣвать неимовѣрно-трудныя препятствія и съ великимъ терпѣніемъ переносить всѣ тяготы боевой жизни.

Вѣдь, эти письма пришли къ намъ оттуда, гдѣ, какъ пишетъ одинъ, „получилъ полотенце, но я имъ не утираюсь, потому что на передовой линіи некогда умываться"; оттуда, гдѣ „перестрѣлки бываютъ ежечасно; кромѣ какъ летаютъ пули и рвутся снаряды, ничего не видно и не слыхать". Эти письма оттуда, гдѣ, „сидя въ окопахъ постоянно, перестаешь вѣрить въ то, что гдѣ-то есть люди, живущіе далеко отъ этого вездѣсущія смерти"; наконецъ, эти письма пришли къ намъ и съ Карпатъ, а „эти Карпатскія горы очень держатъ и погода (письмо отъ 29 марта 1915 года) у насъ каждый день снѣгъ и дожди на перемѣну—одинъ день снѣгъ, другой день дождь, и очень большая грязь, такая, что ни ѣхать, ни итти; очень плохо воевать".

Но, вмѣсто ожидаемаго сѣтованія, вмѣсто унынія и досады, сейчасъ же неожиданно звучитъ бодрая надежда на успѣхъ: религія питаетъ собою мужество — „но уже Богъ помогаетъ, уже наша беретъ врага австріяку и нѣмца-германца... намъ Богъ поможетъ, что завоюемъ этихъ враговъ нашихъ“.

И это мужество, тѣсно связанное съ живой вѣрой въ Бога-Заступника, и сама эта вѣра—не признаки и не результатъ какого-то слѣпого фатализма. Далеко нѣтъ.

Вся эта несокрушимая религіозная основа нашего защитника отъ враговъ прочно связана съ глубокой философіей нашего народа—съ его взглядомъ на себя, какъ на носителя Божьей правды.

Вслушаемся внимательнѣе въ отголоски, доходящіе до насъ въ письмахъ изъ адскаго грохота орудійной пальбы.

„Господь Богъ помогъ намъ побѣдить враговъ въ прахъ и имѣть превосходные успѣхи надъ врагами, чтобъ враги наши не смѣли подняться смущать народовъ“.

Что это? Вѣдь, если глубже вдуматься въ подпочву этой глубокой вѣры въ Божью защиту, то, несомнѣнно, придется сказать, что русскій народъ въ глубинѣ души твердо убѣжденъ въ своемъ мессіанизмѣ; правда, это убѣжденіе въ своей призваннической роли, такъ сказать, интуитивнаго характера: оно не дошло у простого крестьянина до сферы разсудка и не успѣло отлиться въ опредѣленную форму, но оно въ высшей степени характерно и вполнѣ основательно.

На самомъ дѣлѣ, только такого рода идея, что мы, русскіе, призваны осуществить высшій идеалъ евангельской морали — водвореніе всеобщаго мира и любви къ ближнему, только такое сознаніе и служитъ источникомъ того, чтобы считать себя истинными исполнителями и хранителями завѣтовъ Христа.

Раскройте внутренній смыслъ этихъ словъ: „Господь Богъ помогъ намъ побѣдить враговъ, чтобъ враги наши не смѣли подняться смущать народовъ!“—и передъ вами съ ясностью опредѣлится точка зрѣнія нашего народа на причины войны, раскроется своего рода историко-философская теорія, основанная на общинномъ славянскомъ началѣ.

Всѣ люди, какъ бы говоритъ намъ эта теорія, всѣ государства сидятъ смирно, каждое на своемъ мѣстѣ, управляемыя каждое своей законной властью; миръ и порядокъ—вотъ идеалъ русскаго крестьянина. Этотъ миръ и порядокъ выше всего: разъ онъ нарушенъ, — надо подниматься міромъ, чтобы смирить нарушителя этой патріархальной тишины.

И такая высокая задача лежитъ, по воззрѣнію русскаго человѣка, прежде всего на Россіи, великой и мощной какъ своей матеріальной, такъ, главнымъ образомъ, и моральной силой.

Теперь вотъ забунтовалъ противъ общаго мира „австріякъ и нѣмецъ-германецъ“, онъ „захотѣлъ Русь завоевать“ и тѣмъ самымъ нарушилъ гармонію мирнаго сожительства народовъ. Нельзя оставаться равнодушнымъ къ дерзкому посягателю на Святую Русь, нельзя покоряться хищнику, возставшему противъ этой гармоніи. И вотъ раздается могучій кличъ Бѣлаго Царя, пронесшійся отъ края и до края по лицу святой Руси.

Понятенъ этотъ кличъ не столько уму, сколько нравственному чувству русскаго народа, который и ополчается во имя идеи мира.

Нашъ народъ, оставаясь глубокимъ мудрецомъ, не будетъ и не хочетъ искать въ сферахъ политики или экономики объясненій причинъ войны: онъ смотритъ на все прежде всего съ точки зрѣнія нравственныхъ началъ. Потому-то, вѣроятно, видя въ „нѣмцѣ-германцѣ“ такого противника идеи мира, нашъ воинъ-пахарь и старается охарактеризовать его, какъ никуда негоднаго въ нравственномъ отношеніи человѣка, который лишенъ элементарныхъ моральныхъ началъ, прилагая къ этому „нѣмцу“ мѣткіе эпитеты: „нѣмецъ-сквернецъ“, „постараемся впредь покорить злыхъ варваровъ дорогой нашей родины“.

А чувство родины, этой обще-русской великой кормилицы, давшей воину-крестьянину и тѣлесныя, и духовныя силы, родины, являющейся колыбелью высокихъ нравственныхъ завѣтовъ русскаго чудо-богатыря—это чувство высоко и тонко развито въ душѣ нашего героя. Сама великая мать-Россія, православный Царь, святыни Русской земли—все, что становится столь дорогимъ каждому изъ насъ съ первыхъ дней сознательной жизни,—все это является для нашего воина предметомъ святой, чистой любви, предметомъ, ради цѣлости котораго онъ, воинъ, готовъ отдать послѣднюю каплю крови.

Онъ такъ и именуетъ себя: „мы, вѣрные воины и защитники всея матушки Руси“.

„Надо воевать и своего Государя защищать“, говоритъ онъ просто, безъ чуждой ему аффектаціи, „до послѣдней капли крови, и будемъ воевать и рады побѣдить врага нашего“.

„Да здравствуетъ русское войско за вѣру и Царя!“ „Да сохранитъ Господь воину (обращается къ приславшимъ подарки одинъ изъ героевъ) силы на благо и процвѣтаніе дорогой, славной, единой и нераздѣлимой матушки-Россіи!“

Получивши дорогую для него, особенно среди боевой обстановки, посылку отъ Комитета, защитникъ родины, преисполненный чувства благодарности, все-таки подчиняетъ послѣднее могучему чувству любви къ родинѣ: „Благодарю всѣмъ трудившимся за благо дорогой родины“.

Право, вѣетъ чѣмъ-то эпическимъ отъ этого могучаго проникновеннаго и благоговѣйнаго чувства родины, чувства столь же сознательнаго, сколько и стихійнаго, непреоборимаго,

Сознавая свой высокій долгъ борца за родину, нашъ доблестный воинъ отчетливо понимаетъ, что залогъ успѣха въ борьбѣ съ дерзкимъ врагомъ кроется въ тѣсномъ единеніи войска со всѣмъ народомъ. Въ этомъ отношеніи письма даютъ богатѣйшій матеріалъ, сотни и сотни разъ доказывая сознательное отношеніе этого „сѣраго“ героя къ дѣлу борьбы. „Мы всѣ воины объединены здѣсь въ мощную семью борющихся за Русь святую“. „Вы своими подарками доказуете любовь къ своей родинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подымаете духъ во святое дѣло, да соединимся мы въ одно нераздѣльное и ударимъ силою своею на враговъ нашихъ и докажемъ врагамъ нашимъ, чтобъ они не только не подымали на насъ рукъ, а даже боялись бы и думать объ этомъ“. „Шлемъ мы вамъ искреннюю благодарность за ваши глубокія чувства, что вы находите насъ и пьете за одно съ нами совмѣстную чашу для общаго интереса святой Россіи. И Господь дастъ и поможетъ намъ искоренить исконныхъ враговъ нашему отечеству. Пусть они впредь знаютъ, что такое русскій солдатъ—онъ умѣетъ защищать родину“.

„Дай Богъ, чтобы весь русскій народъ заботился о нуждахъ воиновъ, какъ заботится о нуждахъ ихъ вашъ Комитетъ. Тогда ни одинъ врагъ, который обагрилъ руки нашей кровью, не устоитъ противъ насъ. И мы будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не истребимъ своего вѣкового врага“.

Это уже не пассивное, механическое исполненіе своего воинскаго долга. Нѣтъ! Это звучатъ голоса людей, глубоко проникнутыхъ сознаніемъ гражданскаго долга по отношенію къ Государю и родинѣ, людей, убѣжденныхъ въ томъ, что въ единеніи арміи со всѣмъ народомъ кроется залогъ успѣха въ борьбѣ съ лютымъ врагомъ.

Внѣшнимъ выраженіемъ такого тѣснаго единенія между борцами за родину и ихъ братьями, оставшимися въ мирной домашней обстановкѣ, наши воины-герои считаютъ многочисленные „гостинчики“, непрерывно притекающіе съ родины на передовыя позиціи. Сознавая себя не заброшенными во вражеской обстановкѣ, но людьми, за которыми стоитъ многомилліонная, несокрушимая въ своей мощи Россія, наши доблестные воины бодрѣе смотрятъ на будущее, съ большимъ мужествомъ переносятъ тяготы походной жизни и твердо вѣрятъ въ окончательную побѣду надъ врагомъ.

„Пусть помнитъ нашъ врагъ, что духъ русской боевой арміи и вмѣстѣ мирной арміи, пришедшей на помощь намъ, непобѣдимъ, и никакая антихристова сила не сломитъ его: у насъ у всѣхъ одна мысль—побѣдить или умереть“.

Конечно, вполнѣ сознательно относятся къ дѣлу борьбы съ врагомъ тѣ, которые пишутъ: „Весьма дорого видѣть намъ, что наши соотечественники стараются облегчить наше трудное положеніе; это даетъ намъ бодрость и силу въ борьбѣ съ врагомъ, котораго мы должны побѣдить, какъ много разъ побѣждали наши предки, и осво-

бодиться отъ иноземнаго ига“. А такихъ цитатъ не мало можно извлечь изъ благодарственныхъ писемъ. Вотъ обильные ихъ примѣры.—

„Находясь далеко отъ родныхъ мѣстъ, всякій, самый небольшой подарокъ для меня очень дорогъ и цѣненъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что насъ не забываютъ на дорогой родинѣ“.

„Онъ (подарокъ) очень ободрилъ духъ мой, и я веселъ сталъ, что и насъ не забываютъ“.

„Мы, чувствуя незабвенность вашу о насъ, это поднимаетъ духъ среди насъ, что и способствуетъ побѣдѣ надъ врагомъ“.

Дѣйствительно, кто не согласится съ тѣмъ, что отмѣчаемое въ письмахъ единеніе общества съ арміей „способствуетъ побѣдѣ надъ врагомъ!“

Но прислушаемся дальше къ этимъ наивнымъ, быть можетъ, по формѣ, но глубоко трогательнымъ по силѣ чувства заявленіямъ нашихъ доблестныхъ защитниковъ.

„Сердечно благодарю за полученные подарки, которые такъ велики для духа воина; за все добро и заботы постараюсь отплатить на полѣ брани, какъ и долженъ таковымъ путеводителямъ и всѣмъ русскимъ людямъ, которыхъ заботы о насъ такъ велики“.

„Глубоко тронуты вообще вниманіемъ, которое намъ оказываютъ всесторонне“.

„Эти подарки для меня являются истиннымъ удовольствіемъ, такъ какъ напомнили мнѣ о томъ, что есть еще люди, которые не забываютъ тѣхъ, что съ оружіемъ въ рукахъ защищаютъ свою родину. Надѣемся, что съ такими помощниками мы скоро побѣдимъ враговъ нашихъ“.

„Мы вѣримъ, что и весь русскій народъ живетъ одной надеждой съ нами побѣдить скорѣй врага, и мы побѣдимъ“.

Это живо сознаваемое чувство единенія съ милліонами братьевъ, оставшихся на родинѣ, вливаетъ необыкновенную бодрость въ души нашихъ защитниковъ.

Вотъ что говорятъ объ этомъ они сами: „Вы зажигаете тлѣвшую лаву въ сердцахъ нашихъ и вливаете горячую любовь къ вѣрѣ, Царю и родинѣ“.

„Ваши подарки до того дороги и милы намъ, что еще больше дали намъ силы и храбрости, и у всѣхъ, какъ у одного, промелькнуло въ головѣ; не щадя жизни, умереть или побѣдить. И съ увѣренностью скажемъ вамъ, что въ скоромъ будущемъ вы услышите, что врагъ побѣжденъ“. „Сердечно я васъ и всѣхъ добрыхъ людей благодарю за ваши подарки, которые на позиціи принесли великую радость и силу, бодрость духа въ военномъ дѣлѣ“. „У насъ сердце и кровь горячо разгораются на врага за то, что вы насъ не забываете“.

„Сердечно благодарю васъ, что вы подымаете духъ русскаго воина; онъ думаетъ, что не одинъ онъ страдаетъ, но безпокоится за то же самое и вся Россія“.

Народъ—армія настолько ясно понимаетъ эту тѣснѣйшую связь съ родиной, что даже старается подобрать особенно мѣткіе эпитеты для обозначенія общности совершаемаго русскимъ народомъ великаго историческаго подвига: „Благодарю васъ, дорогіе мои сотруднички!"

Видя въ присылаемыхъ подаркахъ внѣшнее выраженіе духовнаго своего единенія съ родиной, нашъ непобѣдимый воинъ такъ трогательно деликатенъ, что умѣетъ оцѣнить эти подарки, какъ свидѣтельство горячаго сочувствія со стороны своихъ согражданъ къ нему, живущему въ суровой боевой обстановкѣ. Но, что еще трогательнѣй,—герой сумѣлъ подмѣтить въ этихъ „гостинчикахъ" выраженіе глубокаго желанія каждаго изъ насъ хоть чѣмъ-нибудь скрасить лишенія, переносимыя имъ во имя блага родины. И какъ трогательно сумѣлъ онъ это выразить! Ему дорогъ подарокъ не самъ по себѣ, а какъ знакъ вниманія.

„Передаю я отъ души свою сердечную благодарность за вашъ посылокъ, а еще больше за ваше незабвеніе о насъ, сѣрыхъ воинахъ и защитникахъ всей матушки Руси".

„Не дорога вещь, какъ дорога память". „Весьма радъ, что наши граждане такъ близко принимаютъ къ сердцу нужду насъ, заступниковъ родины".

„Сердечно благодаримъ, что вы насъ не забываете на отдаленномъ краю и отъ родного очага и семьи".

„Очень благодарю, что вы не забываете о насъ. Ваши подарки для насъ въ это время были дороже всего на свѣтѣ".

„Когда я получилъ подарокъ, былъ такой радъ, что не зналъ, какъ себѣ придумать благодарствовать васъ".

„Память о насъ велика и забота ваша неоцѣнима".

„Если Господь дастъ, что останусь живъ, никогда не забуду вашу щедрую руку".

„Благодарю и спасибо вамъ и всѣмъ тѣмъ многосочувствующимъ, которые одѣли насъ въ такую студеную зиму въ чужой землѣ".

„Хорошо каждый видитъ, что сочувствуете солдатской долѣ, за что и сердечно благодаримъ".

„Вы объ насъ заботитесь все равно, какъ мать и отецъ по своихъ дѣтяхъ".

Мало того, на эти подарки наши „заступники" готовы смотрѣть, какъ на своего рода реликвіи.

„Я ваши подарки, если Богъ дастъ домой вернуться, буду беречь на память". „Подарки теперь для насъ завѣтные. Никто не желаетъ изъ насъ не только продать доставшуюся ему вещь, но не согласенъ даже ее промѣнять на болѣе ему нужную. Такъ, не курящій ни на что не мѣняетъ доставшійся ему табакъ, увѣряя, что онъ присланъ именно ему, а не кому другому".

Изъ всей массы цитатъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ моральномъ удовлетвореніи нашего воина, видящаго такое единеніе народа съ арміей, особенно поражаетъ, на мой взглядъ, одна, съ неотразимой убѣдительностью доказывающая, насколько тонка и деликатна въ нѣкоторыхъ своихъ переживаніяхъ душа рядового бойца, этого „сѣраго" героя. Вотъ она: „ваши подарки облегчаютъ наши истомимыя сердца", Сколько чувства, сколько искренней сердечности слышится въ этихъ простыхъ словахъ, какая гамма переживаній скрывается за этими словами! Слышится въ нихъ прежде всего голосъ человѣка, быть можетъ, истосковавшагося по семьѣ, отъ которой долго не получалъ вѣстей; закрадывалось, быть можетъ, въ его сердце и ядовитая, мучительная мысль о томъ, что всѣ ихъ на родинѣ забыли, ихъ, приносящихъ величайшую жертву на алтарь отечества. Но вотъ получается неожиданный подарокъ, и не отъ родныхъ этотъ подарокъ, а отъ незнакомыхъ, „чужихъ" людей. И сознаніе этого простого человѣка начинаетъ усиленно реагировать, его озаряетъ мысль о той великой связи, которой спаяны въ настоящій историческій моментъ всѣ истинные сыны Россіи, и это сознаніе того, что онъ не „чужой" имъ, оставшимся тамъ, на далекой милой родинѣ, проходитъ по всему его нравственному существу живительнымъ токомъ: онъ проникся величіемъ нравственной связи своей съ обществомъ, почувствовалъ глубокое удовлетвореніе, и вотъ мы читаемъ эти правдивыя, наивныя по формѣ, но глубокія по скрывающейся въ нихъ психологіи строки: „ваши подарки облегчаютъ наши истомимыя сердца".

Какой потокъ благодарностей льется въ этихъ письмахъ!

Не знаешь, чему больше удивляться: силѣ этого чувства признательности или способности русскаго человѣка выражать его. Сколько оттѣнковъ въ выраженіи этого чувства, сколько ласковыхъ словъ и сердечныхъ пожеланій, идущихъ отъ глубины русской души, столь податливой на ласку, столь отзывчивой ко всякому доброму начинанію.

„Имѣемъ предложить вамъ большую благодарность за трудъ и честь къ воинамъ русской арміи и спасибо вамъ на многія лѣта!"

„Сердечно благодарю и съ любовію низко кланяюсь".

„За ваши подарки я не забуду васъ по гробъ своей жизни за ваше доблестное дѣло".

„Благодарю отъ всего сердца, насколько можетъ благодарить оное, бившееся подъ сѣрой солдатской шинелью". „Ваши подарки получили съ крикомъ ура". Знаменательно это „ура". Въ немъ, несомнѣнно, вылился восторгъ непосредственныхъ душъ, которыя были радостно взволнованы сознаніемъ того, что вотъ какъ о нихъ помнятъ и заботятся на далекой родинѣ, и изъ широкой груди русскаго воина рвется наружу вмѣстѣ съ этимъ „ура" глубокая признательность.

„Благодарю васъ и здравствуйте, дорогой *нашъ* Владиміръ Николаевичъ!"

Умилительна эта задушевность, столь свойственная русскому человѣку, эта способность проникаться къ заботящимся о немъ чувствомъ родственной привязанности; это—какая-то особая мягкость, сердечность, то основное нравственное ядро, которое до сихъ поръ охраняло нашего крестьянина отъ многихъ и многихъ зловредныхъ вліяній западно-европейской культуры. Между прочимъ, въ этомъ словѣ „нашъ" такъ и сквозитъ сродное нашему селянину начало міра-общины; нашъ крестьянинъ чувствуетъ себя хорошо лишь на міру, про который самъ же онъ сказалъ: „на міру и смерть красна", и отъ котораго онъ не хочетъ уходить никуда въ сторону.

„Благодарю за ваше удовлетвореніе къ военно-служащему, за ваше сознаніе къ солдату".

Именно „сознаніе". Быть можетъ, авторъ этой цитаты, не сознавая этого самъ, весьма мѣтко указалъ на тотъ фактъ, что въ настоящій моментъ мы должны глубже, чѣмъ когда-либо, проникнуться сознаніемъ величія той роли, какая предназначена воину.

„Я бы желалъ узнать, получите вы мою благодарственную открытку". Удивительная тонкость чувства благодарности! Его безпокоитъ мысль, какъ бы не сочли его неблагодарнымъ человѣкомъ; ему хочется увѣриться, что и его благодарность дойдетъ по назначенію. Черта въ высшей степени деликатная: никто его не знаетъ, онъ могъ бы, получивши подарокъ, и совсѣмъ промолчать, могъ бы ограничиться посылкой благодарственнаго письма и на томъ успокоиться; но ему дороже всего остаться въ глазахъ добраго человѣка хорошимъ, отзывчивымъ существомъ.

Необычайную чуткость, утонченную деликатность, которую мы почему-то считаемъ привилегіей лишь интеллигентныхъ людей, обнаруживаютъ эти пахари-герои въ своихъ благодарственныхъ письмахъ: „я васъ очень сердечно цѣлую за ваши подарки, любящая Екатерина Семеновна"*), но сейчасъ же, какъ бы спохватившись, не обидятся ли за его „цѣлую", не истолкуютъ ли его какъ-нибудь не такъ, какъ онъ хочетъ, прибавляетъ: „извините меня, что я вамъ написалъ такое слово, что цѣлую".

„Сегодня для насъ день торжества: мы получили ваши милые подарки". Доставьте ребенку неожиданную для него радость—и вы увидите, съ какой искренностью и какъ сердечно будетъ онъ васъ благодарить, правда, въ малосвязныхъ словахъ, неумѣло, повторяя къ ряду два-три слова, но за этой наивной формой вы чувствуете еще нетронутую чистую душу, вы угадываете сердце, способное къ переживанію нѣжнѣйшихъ чувствъ, отзывчивое на малѣйшую ласку.

Передо мной рядъ писемъ отъ сѣрыхъ героевъ въ отвѣтъ на привѣтствія и подарки, широкой волной притекающіе отъ нашей учащейся молодежи.

---

*) Е. С. Пашковская, главная распорядительница по Комитету помощи борцамъ за Родину Одесскаго Учебнаго Округа.

Сколько ласки, искренней любви, нѣжности и чуткости находимъ мы въ этихъ замасленныхъ, въ большинствѣ случаевъ съ большимъ трудомъ написанныхъ посланіяхъ нашихъ героевъ!

Видно, что сами они тронуты больше всего тѣмъ, что даже дѣти помнятъ о нихъ; что дѣти сознательно понимаютъ, какая суровая и вмѣстѣ съ тѣмъ высокая доля выпала имъ, чудо-богатырямъ.

„Я никогда не плакалъ", пишетъ одинъ, „но не смогъ отъ слезы сдержаться, что вы—малютка, и та о насъ Бога молите".

И сердце закаленнаго въ жестокихъ бояхъ русскаго воина оттаиваетъ отъ соприкосновенія съ нѣжной дѣтской душой, изливается въ потокѣ нѣжнѣйшихъ обращеній и самыхъ ласковыхъ пожеланій этимъ отзывчивымъ „малюткамъ", на долю которыхъ выпало пережить своимъ дѣтскимъ умомъ и сердцемъ далеко не дѣтскія мысли и чувства, обуревающія теперь души всѣхъ истинныхъ сыновъ великой Россіи. И они стараются отблагодарить этихъ чуткихъ дѣтей, кто чѣмъ можетъ: одинъ складываетъ въ риѳму забавное по формѣ описаніе сраженія съ нѣмцемъ, а другой подробно разсказываетъ о томъ восторгѣ, который вызываютъ въ сердцахъ сѣрыхъ героевъ подарки: „Когда мы получаемъ ваши мѣшочки со всевозможными предметами, то это для насъ праздникъ; сейчасъ подымается шумъ, всѣ дѣлаются, какъ дѣти, громко крича, что кому попадется; но вотъ, наконецъ, взводный, ближній начальникъ, приступаетъ къ раздачѣ. Всѣ въ какомъ-то волненіи. Но вотъ все роздано. Сколько радости, въ особенности у тѣхъ, у которыхъ оказалась въ мѣшочкѣ записочка со всевозможными пожеланіями и адресъ жертвующаго".

Замѣчательны, далѣе, скромность въ оцѣнкѣ своихъ подвиговъ и вѣра въ окончательную побѣду надъ врагомъ.

Передо мной письмо одного георгіевскаго кавалера, имѣющаго георгіевскіе кресты 4 и 3 степени.

„Вы меня просите", пишетъ онъ, „чтобы я вамъ написалъ, за что я получилъ георгіевскіе кресты. Вотъ за что. 16 августа былъ бой и было сильное наступленіе, сильно обстрѣливали артиллерійскимъ огнемъ, такъ что наши пулеметчики бросили пулеметъ. Я быстро выскочилъ изъ окопа, вытащилъ пулеметъ, и такимъ образомъ былъ противникъ отбитъ, и мы взяли два пулемета и много плѣнныхъ. Вотъ за что получилъ я георгія". Ни тѣни самовосхваленія, ни малѣйшей попытки выставить себя героемъ. Наоборотъ, эпически спокойный тонъ разсказа о своемъ подвигѣ, благодаря которому, быть можетъ, значительный отрядъ былъ спасенъ отъ смерти или мучительнаго нѣмецкаго плѣна, этотъ тонъ въ устахъ героя-воина говоритъ, что самъ онъ смотритъ на свое высоко самоотверженное дѣло, какъ на самый обычный актъ: „я быстро выскочилъ изъ окопа, вытащилъ пулеметъ"—вотъ шесть-семь словъ изъ длиннаго разсказа о героическомъ дѣлѣ, которыя авторъ, такъ сказать, по необходимости удѣлилъ о самомъ себѣ. Поражаетъ эта сдержанная, цѣло-

мудренно-высокая стыдливость, не позволяющая безхитростному русскому человѣку выдѣлять себя, хотя бы и вполнѣ заслуженно, изъ боевого начала, задерживать на себѣ вниманіе больше, чѣмъ на другихъ.

Въ моменты временной заминки въ нашихъ военныхъ операціяхъ, въ тяжелые дни постигшихъ насъ боевыхъ неудачъ, когда являются слабыя души со своими ахами и охами, наша армія, состоящая изъ эпическихъ героевъ, чудо-богатырей, остается полной вѣры въ окончательную побѣду.

„Вѣрьте, твердо вѣрьте, что русскій воинъ непобѣдимъ. Не дадимъ звѣрю-тирану поработить нашу вѣру, дорогую для насъ родину". „Мы отступаемъ не оттого, что, можетъ, у насъ нѣтъ военныхъ припасовъ, а для того, чтобы они шли за нами, а потомъ будутъ думать, какъ имъ итти назадъ". „И зацвѣтетъ въ нашей матушкѣ Россіи спокойствіе для всѣхъ трудящихся!" „Врагъ лютый, упорный до сихъ поръ не сдается и приходится возиться съ нимъ, но мы все-таки надѣемся въ скоромъ времени покончить съ нимъ".

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы освѣтить еще одну сторону души русскаго человѣка, именно ту, которая тѣсно связана съ эстетическими эмоціями.

Наша народная поэзія является неисчерпаемымъ художественнымъ сокровищемъ, въ которомъ много поучительнаго для ума, много возвышенно-моральнаго элемента и много эстетически прекраснаго находили даже такіе геніи, какъ нашъ великій Пушкинъ. Создавши богатѣйшую народную поэзію, нашъ народъ показалъ міру, что онъ, народъ-пахарь, надѣленъ могучими рессурсами первокласснаго поэта.

Прошли вѣка со времени появленія перловъ нашей народной поэзіи, многое за это время измѣнилось въ условіяхъ народнаго быта, но эстетическое чувство, столь сродное нашему крестьянину, осталось въ сохранности. Несомнѣнно, не мало тургеневскихъ Калинычей, Касьяновъ и артистовъ-пѣвцовъ Яшекъ найдемъ мы въ народныхъ массахъ.

Поэтому особенно интересно было бы взглянуть на письма, какъ на матеріалъ, характеризующій нашъ народъ въ отношеніи его эстетическихъ запросовъ.

Въ этомъ отношеніи мы найдемъ нѣкоторыя данныя, указывающія, что даже орудійная пальба и грохотъ рвущихся надъ головой снарядовъ не въ силахъ окончательно изгнать изъ души русскаго воина, стоящаго на передовой линіи обороны, потребность отдохнуть хоть на нѣсколько часовъ и освѣжить душу въ эстетическихъ переживаніяхъ. До насъ доходятъ въ этомъ отношеніи такія характерныя указанія, что наши герои чуть ли не въ окопахъ же устраиваютъ въ свободные часы импровизированныя сценическія представленія, у нихъ само собой организуется что-то въ родѣ солдатскаго

клуба, гдѣ ведутся бесѣды на темы самого разнообразнаго характера, и т. д.

Однимъ словомъ, ясно видно, что жизненныхъ силъ у нашего чудо-богатыря такъ много, что ихъ хватаетъ и на геройскую борьбу, и на освѣжающую шутку; равновѣсіе душевное настолько у него ненарушимо, что онъ въ минуты отдыха находится въ жизнерадостномъ настроеніи, а природный добродушный его юморъ такъ и просится наружу. „Когда съ позиціи смѣнился,—повеселиться нечѣмъ; прошу, пришлите гармонію вѣнскую“. „Подарки получилъ, за которые сердечно благодарю Ваше Высокопревосходительство; жаль только, что между ними не было гармоники, а то у насъ въ батареѣ игроковъ много, а инструмента не имѣется“.

Въ самомъ стилѣ и тонѣ писемъ зачастую проскальзываетъ стремленіе отвлечься, отдохнуть за шуткой, но, очевидно, опасеніе, вызываемое особой деликатностью, какъ бы не обидѣлись за эту шутку, стѣсняетъ автора и онъ сейчасъ же переходитъ въ другой, серіозный тонъ.

„Здравствуйте, дорогіе сочувственные граждане! Увѣдомить васъ пришлось очень поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда, какъ говорится русская пословица. Всѣмъ мужчинамъ беремъ подъ козырекъ, а благороднымъ дамамъ цѣлуемъ лапки. Извините за откровенность. Любящіе васъ всѣ здѣсь находящіеся солдатики и всѣ готовы положить въ защиту васъ и всего человѣчества свою жизнь, не щадя ни капли крови своей“.

Иногда въ письмахъ ясно видно желаніе ихъ авторовъ забыться за сочиненіемъ письма на родину, да такого письма, чтобъ вышло оно похожимъ по своему складу на стихъ тоническаго лада.

„Дай Богъ врага побѣдить,
И будемъ вамъ благодарить“.

. . . .

„Я слава Богу живъ и здоровъ.
Лупимъ нѣмцевъ спереди и съ боковъ“.

. . . .

„Благодарю васъ за подарки:
Они пришлися кстати намъ;
Въ нихъ много прелести,—и сладки,
За что приносимъ благодарность вамъ“.

. . . .

„Получилъ я ложку
И табаку крошку.“

. . . .

„Надѣвъ полученную сегодня теплую рубаху и накинувъ
папаху,
Убилъ бы турка съ одного маху;
Но, благодаря глубокой зимѣ,

Онъ немного погодя попадетъ ко мнѣ.
Я ему внушу,
Что про родину не тужу,
Такъ какъ и тамъ есть люди,
Которые готовы лечь грудью.
Это все я только что заключилъ,
Когда вашъ подарокъ получилъ".

Встрѣчаются въ письмахъ строки, напоминающія по своему слоговому строю былинный складъ, въ чемъ, несомнѣнно, сказывается духовная близость авторовъ такихъ строкъ со слагателями народныхъ эпическихъ пѣсенъ...

Невольно вспоминаешь, но сначала смутно, что-то знакомое съ ранняго дѣтства, когда читаешь:

„За сочувствіе ваше къ намъ воинамъ,
Которые оставили семьи на родинѣ
Для защиты Царя и отечества,
Вѣры православной и васъ всѣхъ.
. . . .
„Посылаемъ вамъ всѣмъ большую благодарность
Что вы пріодѣли грѣшное тѣло,
Измученное въ скудости очень".
. . . .
„Многое лѣто пожить тому господину
На бѣломъ мы свѣтѣ желаемъ".
. . . .

Вчитываясь въ такія строки, подмѣчаешь въ нихъ опредѣленную ритмичность и, наконецъ, догадываешься, что вѣдь это почти былинный, народный эпическій складъ, вѣдь это наши родныя, умилительно-трогательныя жемчужины нашей народной поэзіи:

„Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажны листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица"...

Въ письмахъ въ изобиліи встрѣчаются весьма мѣткіе эпитеты и другія образныя выраженія, свидѣтельствующія о глубинѣ чувства пишущаго и, пожалуй, о поэтичности его настроенія:

„Дай Богъ вамъ здравія, многая лѣта, имѣть счастья, милліонами владѣть, а намъ, христолюбивымъ воинамъ, пошли Богъ здоровья, силу, крѣпость и бодрость побѣдить врага и возвратиться домой здравыми и невредимыми"; «шлю вамъ щирую благодарность»; «шлю я вамъ свое братское почтеніе отъ чистаго сердца и до святой земли; «кланяюсь отъ бѣлаго лица до сырой земли»; „не могу перомъ описать вамъ, выразивъ вамъ глубокую благодарность за ваши милые подарки".

Останавливаютъ на себѣ вниманіе такія удачныя, весьма оригинальныя и въ то же время характерно-типичныя сочетанія, какъ,

напримѣръ, „*успѣшны* подарки", „*милые* подарки", благодарю за ваше *сознаніе* къ солдату", „дорогой *нашъ* Владиміръ Николаевичъ", „наши дорогіе *сотруднички*".

Надо признать, что въ желѣзной груди русскаго воина, этого великаго сына своего народа, бьется любвеобильное сердце; что въ закаленномъ тѣлѣ нашего героя живетъ душа, способная охватить всѣ эмоціи, доступныя культурнѣйшему человѣку, начиная съ героическаго подъема патріотизма и кончая тончайшими эстетическими переживаніями.

Заканчивая свой краткій очеркъ, я съ полной убѣжденностью отмѣчаю, что въ письмахъ съ театра военныхъ дѣйствій, если ихъ взять во всей ихъ необъятной массѣ, мы имѣемъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики русской народной души, имѣемъ своего рода „памятникъ нерукотворный", воздвигнутый себѣ самимъ народомъ.

Не говоря уже объ этомъ, я убѣжденъ также, что и въ той долѣ солдатскихъ писемъ, присланныхъ съ театра военныхъ дѣйствій, которую я имѣлъ счастливый случай перечитать, намъ удалось найти нѣкій русскій народный морально-психологическій коллективъ. Что же представляетъ собой этотъ коллективный духовный обликъ русскаго народа?

Въ свое время авторъ „Войны и Мира" нарисовалъ національный русскій типъ Платона Каратаева, этого носителя характернѣйшихъ чертъ русской народной души.

Этотъ Платонъ Каратаевъ, со своимъ высокимъ альтруизмомъ, „благообразіемъ" душевнымъ и свѣтлымъ смиренно христіанскимъ взглядомъ на міръ, Платонъ Каратаевъ, защищенный самимъ своимъ духовнымъ укладомъ противъ всякихъ душевныхъ бурь и потрясеній, недоступный никакимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ, и въ наше время лежитъ, такъ сказать, въ основѣ современнаго коллективнаго русскаго народнаго образа, но съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ настоящій историческій моментъ современный намъ Платонъ Каратаевъ, оставаясь типичнымъ представителемъ „роевого" начала, непонятнымъ для насъ образомъ и неожиданно расширилъ содержаніе своей личности: онъ и воинъ, чудо-богатырь, и гражданинъ Россійской земли, и сознательный защитникъ идеи правды и мира. Въ глубокомъ изумленіи останавливаешься передъ этой загадкой: какъ могъ этотъ народъ-богатырь, не порывая ни съ чѣмъ своимъ національнымъ, кореннымъ русскимъ, и оставаясь вѣрнымъ всѣмъ священнымъ завѣтамъ родной старины, достичь того высокаго пониманія историческихъ задачъ, на которомъ остановилась пока лишь передовая интеллигентная мысль?

Несомнѣнно, все величіе духовной красоты нашего народа— пахаря и воина, вся сила его нравственной природы не результатъ

внѣшняго, посторонняго вліянія, но заложены, такъ сказать, въ основѣ его духа, присущи ему органически.

И мы смѣло можемъ сказать, что этому народу, дѣйствительно, предназначено провозгласить міру могучее „впередъ!" по пути нравственнаго прогресса.

Несомнѣнно, въ настоящій историческій моментъ мы являемся свидѣтелями начала великаго процесса, конечною цѣлью котораго будетъ побѣда нравственной силы надъ „бронированнымъ кулакомъ," побѣда евангельской морали надъ „политикой крови и желѣза".

Главную тягость борьбы во имя столь возвышенныхъ принциповъ вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ русская армія—русскій народъ.

Какъ глубоко правъ былъ Достоевскій, сказавшій: „Чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ, къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно и даже хотя бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и преходящихъ,—отъ рабства, отъ загрубѣлости, а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ, родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ более чтимый, если и въ продолженіе вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все-таки уцѣлѣетъ, неповрежденный, въ сердцѣ этого народа"!

И. М. Копейкинъ.
